

За чужими
окнами

Читайте повести и рассказы
Марии Метлицкой
в серии «За чужими окнами»

Наша маленькая *жизнь*

То, что *сильнее*

Машкино *счастье*

Беспокойная жизнь
одинокой женщины

Второе *дыхание*

Испытание
медными трубами

Всем *сестрам...*

И шарик *вернется...*

Дневник *свекрови*

После *измены*

Ошибка *молодости*

Дорога *на две улицы*

Верный *муж*

А жизнь была *совсем хорошая...*

Мария
Метлицкая

А жизнь была
совсем
хорошая...

сборник

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 54

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М 54 А жизнь была совсем хорошая... : сборник / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2014. — 352 с. — (За чужими окнами. Проза М. Метлицкой и А. Борисовой).

ISBN 978-5-04-194128-4

Годы, которые принято называть «эпохой застоя», для многих были годами молодости, когда казалось, что все впереди, все по плечу.

Иван и Ольга, люди простые и честные, были уверены, что все ясно: живи, работай, и будет тебе счастье и уважение.

Но не суждено было Ивану и Ольге наслаждаться этой простой и честной жизнью, потому что такая жизнь оказалась не по нраву их дочерям.

Иван не мог понять, где ошибся, в какой момент сделал что-то не так: недоглядел, когда его девочки пошли по кривой дороге. Во всем, что случилось, он винил только себя. Что ж, кто виноват, тому и исправлять ошибки. И Иван принял решение...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-04-194128-4

© Метлицкая М., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

А жизнь была совсем хорошая...

С самого раннего утра — привычное время для рабочего человека — из радиоточки неслась громкая музыка. Иван Иванович домашних своих в этот день не щадил — праздник! Да еще какой — самый светлый и самый любимый. Первое мая! День солидарности трудящихся. А уж семья Кутеповых к трудящимся относилась определенно.

Глава семьи, Иван Кутепов, был строителем первого разряда, монтажником-высотником. Ленинский проспект, широченный светлый новорожденный красавец, имел к нему непосредственное отношение. Не один дом из желтовато-розового кирпича построил Иван Кутепов. И жена его, Ольга Степановна, тоже из «своих» — маляр-штукатур, и тоже бригадир, между прочим. Любимая жена и мать его детей — двух дочек, Маруси и Валюшки, умниц и красавиц. Таких красавиц, что даже родители удивлялись — не девки получились, а принцессы сказочные. Хороши как на подбор, обе.

Маруська в Иванову родню — белобрысая и синеглазая. Только глаза как озера — огромные, бездон-

ные. И льняные локоны выются по плечам — такая вот красота. Мать, конечно, локоны эти непослушные в тугую косу... Но на висках и на нежной шейке плетут они свои соблазны, плетут.

А Валюшка — чернявая, в Ольгу. Волос тяжелый, густой. Цыганский такой волос. И глаза цыганские — без дна. Посмотришь, и страшно становится, не по себе. Точно в омут заглянул. И брови богатые, шелковые. Не иначе как табор мимо Ольгиной деревни проходил.

Девки — погодки. Дружные, хотя всякое случается. Но жить друг без друга не могут — как ни крути. Погавкаются, потявкаются, поворчат, матери пожалуются — а через полчаса снова вместе. Шушукуются.

Квартира у Кутеповых большая. Огромная даже. Мечтать о такой разве что в сладких снах... И это после всех мытарств, общежития, бараков, холодных и продувных. А что, заслужили! Через долгих тринадцать лет получили Кутеповы свои хоромы. И никто, между прочим, не возражал. Ни одного слова! Все на собрании Ивана Кутепова поддержали: кому, как не ему. Передовик, стахановец. Непьющий и некурящий. В семье лад, жена отличная, тоже не из последних на стройке. Девульки подрастают — славные такие! Отличницы. Да и намаялись они по полной. Все прошли — безденежье, трудный быт. Потому и заслужили — трудом праведным и таким же поведением. Уважали Ивана на стройке. И даже парторгом выбрали — тоже, кстати, единогласно. Главный инженер Крюков так и сказал: «Ты, Кутепов, у нас человек безупречный». А слова эти дорогого стоят. Всей жизнью надо такие слова заслужить.

А жизнь была совсем хорошая...

Иван подкрутил радио и открыл холодильник. Красота! Расстаралась любимая Олюшка. «Умница моя», — довольно подумал он. А как же иначе? Вечером гости придут, друзья, родня. Соловьевы, Путилкины, Кротовы. Это — коллеги, так сказать. А из родни Курочкины нагрянут. А их человек шесть. Родня неблизкая, но все же. В холодильнике плотно, рядком, стояли судки с холодцом, миски с салатами, разделанная селедочка с зеленым лучком, фарш на котлеты. А на широком подоконнике, на больших тарелках, прикрытые белоснежными вафельными полотенцами, выпирают крутыми боками пироги — с мясом, капустой и яблоками — к чаю.

На кухню, позевывая, вышла Олюшка.

— Вань, — упрекнула она, — ну что ты, ей-богу! Орет с утра, не приведи господи. Пусть девчонки поспят.

— Нечего, — обрубил Иван. — Спать будут ночью. А сегодня — праздник. Красный день календаря! Пусть поднимаются и собираются по-быстрому. — Он кивнул на часы: — Полседьмого уже! А в семь надо выйти.

— Опоздаешь, — покачала головой жена, — вот прям опоздаешь! — И принялась накрывать на стол.

— Не опоздаю, — возразил Иван, — потому что опаздывать не имею права — я в голове колонны. Как я могу? — продолжал возмущаться он.

Ольга ничего не ответила — а что, прав. К тому же спорить с мужем она не любила. Ни к чему. Только уж в самых крайних случаях. А так... Не на спорах семья держится, а на добром мире и согласии. Это она давно усвоила. Да и характер был у нее хоро-

ший. Покорный. И мужа она уважала — да и к чему собачиться? Кому от этого хорошо?

Иван Кутепов, глава дружной семьи, распахнул без церемоний дверь в комнату дочек и громко гаркнул:

— Подъем! Подъем, лентяйки! А то... — И безжалостно распахнул настежь окно.

Девчонки поежились — утренний первомайский ветерок явно не напоминал жаркое лето — и натянули на носы одеяла.

За завтраком крепко сбитая Маруся вовсю уплетала яичницу с бутербродами, а тощая Валюшка брезгливо ковырялась в тарелке.

— Ешь давай! — прикрикнула на нее мать. — Ишь, разбирается!

Валюшка скривила гримасу и отодвинула тарелку — наелась.

— Вон, — с усмешкой кивнула на сестру, — эта... Скоро будет как бомба.

Маруся показала язык:

— Пока толстый усохнет, худой сдохнет.

И тут же получила подзатыльник от отца. Справедливо.

Нарядились — Ольга в новом платье в цветочек и новом плаще, Иван в парадном костюме и при галстукке, и девчонки в обновах — светлые туфельки, красные пальтишки. На головах — белые банты. Одним словом — красота!

Вышли из метро, увидели своих и влились в колонну. Зашагали бодро и весело. Из репродукторов рвалась музыка, развевались красные флаги. Люди несли знамена и транспаранты. В руках у детей пестрели бумажные цветы невообразимой красоты и размеров — еле удержишь. Кутеповы шли рядом,

 А жизнь была совсем хорошая...

плечом к плечу — молодые, стройные, нарядные. И счастливые. Очень счастливые! А такое не придумаешь и не сыграешь — такое видно невооруженным глазом. В смысле — радость и истинное счастье. Счастье честного, порядочного, трудящегося человека.

После демонстрации отправились напрямик домой. Проголодались и слегка промерзли — не лето на дворе, а только начало весны.

Уселись за богато накрытый стол и подняли первую рюмку. За Первомай, разумеется! Остальное — потом.

* * *

Иван Кутепов приехал в столицу в шестидесятых из далекого приволжского села. Приехал один, и было ему так тоскливо и одиноко! Отпустили его неохотно — да и понятно: старший сын, основная надежда. После него еще две сестры, проку с них... Только рвался Иван в Москву — не удержишь! Ни на комбайн, как батя, садиться не хотел, ни в агрономы. Сельский человек — до мозга костей, а рвался в город, на стройку. Мать, женщина суровая, долго молчала и на сына обижалась. Невесту ему нашла — соседскую Нюру. А он на эту Нюру и смотреть не хотел — не нравилась. Совсем не нравилась. И в коровник не хотел, и в огород. Нет, родину свою малую он любил — куда ж без этого? И лес любил, и рыбалку на зорьке. И речку тихую, мелкую, в синюю рябь. А в город тянуло. Да так, что с родителями поругался, собрался да и уехал. Написал, правда, сразу, как в

столицу шумную прибыл. Подробный отчет. Потом ничего, сгладилось — после первого отпуска. Привез подарков родне, матери платок и отрез, бате рубашку китайскую в клетку. Сестрам конфет и духов.

Смирилась родня — а куда деваться? А что рвалось материнское сердце.... Да кому до этого дело?

Первую койку дали в общеаге на краю света. В комнате шесть человек. Все свои, деревенские. Все хотят не просто заработать — хотят в столице остаться. Чтобы сделаться москвичами. А это не трудно, но не быстро — сначала прописка временная, на пять лет. А потом — постоянная. И еще положено жилье — комната в общежитии или, если повезет, — в коммуналке. А это уж совсем свое!

В общежитии было весело и мирно — приходили со смены и падали на кровать как убитые. Не до пьянок по будням и не до гулянок. А в воскресенье уже могли и расслабиться — девчонки жарили готовые котлеты, доставали квашеную капусту, присланную деревенской родней, и накрывали столы. Кто-то играл на баяне, пели песни и танцевали — нелепый иностранный городской фокстрот и знакомый всем деревенским вальс. Там он и встретил Олечку Сидорову, которая и стала его первой и самой большой в жизни любовью. И кстати, единственной и навсегда.

Потом была семейная комнатуха в той же холодной общеаге, потом восьмиметровка в коммуналке в Люберцах, а уж потом, когда родились девчонки, управление выделило хоромы на Ленинском.

Ух, как же они были счастливы тогда! Когда впервые зашли в эту светлую, огромную по их представлениям, сказку. Две комнаты — отдельные! Окнами на проспект. Кухня восемь метров. Ванная и туалет.